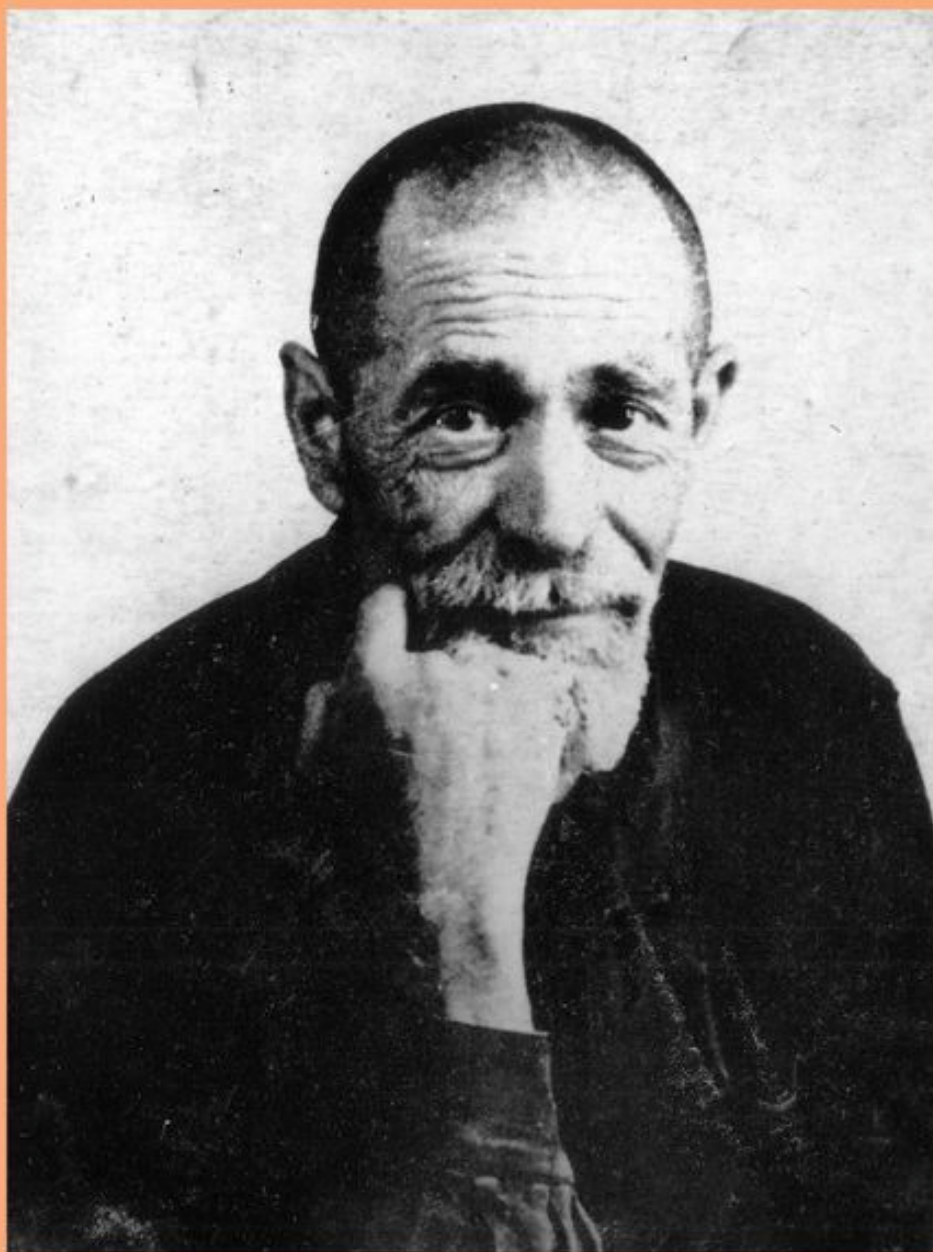

18+

Гавриил Кротов

По существу дела

Приговор 1968 года
за антисоветскую деятельность

Гавриил Кротов

**По существу дела.
Приговор 1968 года за
антисоветскую деятельность**

«Издательские решения»

Кротов Г. Я.

По существу дела. Приговор 1968 года за антисоветскую
деятельность / Г. Я. Кротов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984502-3

В этой уникальной книге собраны статьи автора, которые легли в основу заведённого на него дела, приведены тексты его выступлений на заседаниях суда, приговор и кассационное заявление в Верховный суд. Всё вместе даёт достаточно типичную картину работы юриспруденции послесталинских советских времён.

ISBN 978-5-44-984502-3

© Кротов Г. Я.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Статьи	8
Снимите шоры	8
Имена и условия	13
Вместо масла – цифры	15
«Четверть лошади»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

По существу дела Приговор 1968 года за антисоветскую деятельность

Гавриил Яковлевич Кротов

Редактор Виктор Гаврилович Кротов

© Гавриил Яковлевич Кротов, 2020

ISBN 978-5-4498-4502-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фото на обложке из семейного архива: первый год заключения после первого приговора (после второго переодели в полосатую одежду особо строгого режима).

Редактор: Виктор Кротов

Отзывы на книгу можно прислать по адресу:
krotovv@gmail.com

Предисловие

Автор этой необычной книги, тексты которой, спустя много лет после его ухода из жизни, сошлись в этом сборнике воедино, – педагог по призванию. Он подтвердил это десятилетиями педагогической деятельности в самых разных условиях, добиваясь замечательных результатов.

К сожалению, как нередко у нас бывает, для него педагогические победы иногда оборачивались резким противодействием тех, кому его активность мешала жить спокойно и выполнять свои педагогические обязанности спустя рукава. Об этом рассказывают некоторые из приведённых в приложении книг.

Но особенно трагическим образом завершилось его участие в работе группы, занимавшейся подготовкой... педагогического раздела проекта новой Программы КПСС. Этот парадокс требует объяснения.

Известно, что в начале послесталинского периода советского строя шла активная подковёрная борьба за власть. Особенно весомые шансы на победу имели два политика: Никита Хрущёв и Вячеслав Молотов. Педагогу Гаришу Кротову не повезло дважды. Во-первых, он оказался не в той команде. Обе они работали над Программой КПСС (речь идёт лишь о тех, кто занимался педагогическим разделом, об остальных мне ничего не известно), но одна разрабатывала, условно говоря, «хрущёвский вариант», а другая – «молотовский». Во-вторых, способы расправы с теми, кто не на твоей стороне, после смерти Сталина видоизменились, но не ушли в прошлое. Непонятно, на каком уровне после победы Хрущёва было принято решение избавиться от тех, кто оказался волею обстоятельств не на той стороне, пусть они и не участвовали в политической борьбе, но произошло именно это.

Видимо, те, кто осуществлял такую «зачистку», были предупреждены, что политические дела нежелательны для Хрущёва, разоблачавшего сталинские методы. Во всяком случае, судьбы тех, с кем отец участвовал в педагогических разработках, были разнообразны. Комитет государственной безопасности (КГБ) был тогда всесилен и изобретателен. Я слышал от отца об одном из его коллег по этой работе, который был убит на улице неизвестными, и о другом, который после обработки на Лубянке мог только повторять таблицу умножения. Способ устранения отца из общественной жизни был ориентирован на то, что он работал в школе, в доме пионеров, в пионерлагерях. Нетрудно было найти достаточно девочек, которых можно убедить дать показания против учителя (вернее, оговорить его), потому что он вообще плохой человек (как известно серьёзным дядям из КГБ). Если не убедить, то чем-нибудь припугнуть, или вообще скомандовать «так надо!». Короче говоря, оформить учителя по неотмываемым статьям за растление и изнасилование – это вопрос техники. В ход пошли и угрозы обвиняемому: если он не даст признательные показания, ничего этим не изменит, а вот его жене и детям придётся плохо. С другой стороны, пытались давить на жену – чтобы она отреклась и осудила. Но с этим ничего не вышло, хотя пущенные в ход клевета и грязь причинили ей немало боли.

Лишь оказавшись в местах отбывания наказания, отец получил эфемерную «свободу» писать ходатайства и заявления в государственные органы. Но это был горох об стену. Став совершеннолетним и постепенно сориентировавшись в ситуации, я тоже писал в прокуратуру, в партийные и правительственные инстанции, так что формулировки дежурного отфутболивания были мне хорошо знакомы.

Тогда отец решил говорить о том беззаконии, которое продолжало твориться и после Сталина, во всеуслышанье. Писал статьи, давал читать их другим заключённым (среди которых находились, естественно, и стукачи). Пересылал их нелегальными путями на волю (некоторые тексты вроде бы даже печатались в газетах Югославии, которая подчёркивала свою

относительную независимость от СССР). Предлагал жене участвовать в их распространении (от чего она уклонялась) и даже прийти с детьми в Югославское посольство, которое якобы готово было обеспечить нашу эмиграцию в Югославию. Почти всё умело перехватывали профессионалы из КГБ. Впрочем, время от времени они для надёжности делали обыски и в нашей комнате. Жену иногда вызывали на допросы, и она рассказывала мне, что её хвалили за отказ от участия в агитационной активности мужа, за нежелание эмигрировать. Хотя вместе с тем упрекали, что она упорно отклоняла их предложения развестись с мужем – заочно, по облегчённой процедуре.

Вот что мне показалось необходимым рассказать во введении к этому сборнику текстов отца, для которого и само повторное судилище послужило возможностью высказаться о своём отношении к происходившему в стране.

Виктор Кротов

Статьи

Снимите шоры

Читая повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича», роман В. Тевекеляна «Гранит не плавится» и другие подобные им литературные произведения, читатель испытывает чувство гнева, возмущения, негодования. Хочется рвать и метать. Но рвать некого – виновные тихо почили, метать нечего – все подметено.

Открывая эту правду, нам, читатель, надевают шоры, только задом наперед, объясняя в предисловии, что все эти ужасы и несправедливости творились при культе личности. А в рецензии Ник. Кружкова («Огонёк» №49 от 2.12.1962 г.) огромным заголовком утверждают, что «Так было, так не будет».

И мы верим.

Но давайте подумаем.

Тридцать лет мы верим. Верили выступлениям всех ныне здравствующих деятелей, которые убеждали нас в непогрешимости Сталина, наделяя его гиперболическими эпитетами.

Мы верили, но давайте подумаем. А если мы начнём думать, то появится множество вопросов, на которые могли бы ответить те, кто не только мирился с культом Сталина, но и делали карьеру, занимая должности тех, кто был уничтожен. Эти люди вдруг осмелели и начали говорить противоположное, разоблачая мёртвых. А что же стало с живыми?

Творился невероятный произвол. Совершались чудовищные преступления. Достаточно вспомнить про убийство таких лучших людей страны, как Киров и Горький. Да одно имя Горького призывало к мести или возмездию. Виновниками были объявлены Сталин, Берия, Вышинский. Три человека. Но это не были преступники, которые, надев маску и закутавшись в плащ, убивали своих жертв тёмной ночью в глухом переулке. Они действовали широко и открыто, пользуясь услугами людей, потерявших принципиальную убеждённость революционеров.

Прокуратура фабриковала дела, суды творили произвол, администрация мест заключения утончённо издевалась над людьми, кассационные учреждения цинично отвечали на жалобы заключённых. А понесли ли все эти люди наказание? Руденко остался генеральным прокурором, Горкин – председателем Верховного суда, начальник лагеря от погонов лейтенанта дослужился до погонов полковника или получает солидную пенсию «за добросовестное выполнение службы».

Справедливость и сама логика требовали если не наказания, то смены всего этого грязного аппарата прокуратуры, судов, управлений местами заключения. Но этого не произошло.

Значит, кому-то они нужны и сейчас.

Кому же? Если нас громогласно с высоких трибун уверяют, что преследования по политическим мотивам у нас нет?

И мы верим.

Но вполне ли мы уверены?

Рецензент Кружков упрекает: «Не осмеливаясь сомневаться, веря и вместе с тем содрогаясь, люди шептались по углам, именно шептались, а не говорили».

Не шепчутся ли сейчас? Не сомневаются ли? Думаю, что говорить вам об этом нет смысла. Шепчутся все: от образованного коммуниста до колхозника и рабочего. Но не пора ли

бросить верить и подумать о том, не придётся ли читать и слышать ещё более страшные и гнусные разоблачения.

Кому же нужны эти пропитанные кровью, потерявшие совесть прокуроры, судьи, палачи? Да тем же участникам всех этих гнусных преступлений.

Я хочу не шептаться, а говорить правду и только правду. Обычно в подтверждение своих слов говорят: «Даю голову на отсечение!». Мне незачем говорить это. Когда моё имя будет известно «органам», трудно сохранить голову на плечах. Но я не хочу шептаться. Прежде чем эти записки попадут тебе в руки, читатель, они будут переданы сперва руководителям верховной власти. Может быть, моя смерть и будет аргументом. Разговор с читателем – это самоубийство, но молчание – преступление.

Не сразу обратился я к вам, читатель, писатель, издатель, народ, и записки увидят свет лишь в том случае, если исчезнут последние сомнения.

Я, как и вы, верил и опасался ошибочно обвинить такую священную для нас вещь, как советское правительство. Поэтому в течение четырёх лет я писал председателю Совета министров, Генеральному прокурору, комиссии Государственного контроля, комитету государственной безопасности (Шелепину и Семичастному), но получал или циничные резолюции вроде «Оставить без внимания», или расследование дела поручали тем, кто фабриковал его.

«Так было, так не будет», – заявляют в печати. Неосведомленный читатель поверит этому, поверит голословно, так как убедиться в этом не имеет возможности, а те, кто находятся в заключении, проиронизируют, что так не будет, а будет хуже. И у них есть основания на эту горькую иронию.

Сталин действовал открыто и грубо. Как сообщалось в закрытом письме ЦК КПСС, он соглашался, что действует методом фашистов: «Если наши враги расправляются так, то почему нам не поступать так же с врагами?».

От такого метода оказалось много неприятностей. За жертв можно было заступиться, пусть через зарубежные органы информации, им можно было сочувствовать; можно было разоблачить всё это, а потом посмертно или при жизни реабилитировать, а всё это заставляет думать.

Решили действовать американским методом, по форме, описанной в романе Феликса Джексона «Да поможет мне бог», но при полном отсутствии тех возможностей, которые были у героя этого романа. Грязь – вместо пули, автомобильная катастрофа, самоубийство, таинственное убийство. За осуждённого по политическим мотивам можно заступиться, выразить ему сочувствие. Поэтому решили, что, кроме 58-й статьи Уголовного кодекса, есть другие, пачкающие до такой степени, что заступаться за этого человека будет позорно и глупо. Так что никому это не придёт в голову.

А судьи, прокуроры остались те же: услужливые циники, потерявшие чувство законности.

Какой человек не согласится принять на себя вину для того, чтобы сберечь «кочан» в надежде, что всё это может измениться; какой муж и отец не согласится на это, ради благополучия семьи?

Ярлык «враг народа» ещё мог вызвать сочувствие, тем более ничего враждебного от такого человека народ не видел. Но если на человека надели ярлык «насильник», «взяточник» или нечто вроде, то какое сочувствие он может вызвать к себе?

Обратим внимание на это и подумаем о нашем законодательстве.

Вводя первый Уголовный кодекс ленинского периода, предполагали ограничить «потолок» наказаний пятью годами, но в связи с наличием вооружённых бандитских отрядов, уста-

новили 10 лет. Прошло 45 лет. Власть окрепла, а «потолок» стал выше – 25 лет. Только потом его снизили до 15-ти лет.

В 1960 году был принят новый Уголовный кодекс, который разрабатывался длительное время, прошел все комиссии и комитеты, всё было обдумано и учтено, люди, составлявшие кодекс, получили поощрение, а через полгода понадобились новые указы. Это никого не беспокоило – надо бороться с преступниками. Но против кого направлены эти указы? Крупные взяточники жили и живут, имея дачи, машины, все блага жизни, в крайнем случае их переместят с должности на должность, но эти позорные статьи и указы могут быть для других целей...

«Он не жалуется, не взывает к небесам, не сетует на судьбу-злодейку, не посылает проклятия тем, кто уготовил ему, безвинному, столь горькую участь. Он борется за жизнь, за кусок хлеба, за лишние 200 грамм, не унижая себя: он работает, в труде черпая моральные силы и забвение».

Откуда эта проповедь непротивления злу? Не из толстовской ли повести «Бог правду видит, да не скоро скажет»? Нет, читатель, это умилённая оценка политических заключённых, идейно-передовых людей, данная «подручным» журналистом Кружковым в «Огоньке» №49 от 2.12.1962 г. Это проповедь «подручного» в защиту «запленных».

Ведь для оценки революционеров всегда было характерно, что они и в заключении не прекращали борьбы против несправедливости и царского деспотизма.

Откуда же такое толстовское умиление у советского журналиста? Да просто это предостережение тем, кто после культа личности Сталина (вернее, при смене одного культа на другой) мог бы пытаться бороться против несправедливости. Чтобы они боролись за «жизнь», за 200 грамм, не считая это за унижение, за прислуживание Цезарю.

«Подручный» нас предупреждает: «Горе тебе, если ты не нашёл места под тусклым лагерным солнцем»... Фетюков, лижущий миски, конечно, пропадёт. Пропадёт и Кавторанг – человек, у которого хватило воли, энергии и навыков командовать людьми в опасной обстановке, организовывать борьбу в Бухенвальде, где он проносил оружие, а в советском лагере не мог сохранить иголку. В чём же слабость Кавторанга? «Он старается, а сил и навыков мало, мерещится перед его глазами прежняя жизнь, не приходит забвение и не уходит тоска – самый лютый враг эка, хуже любого свирепого конвоя».

Вот она, циничная проповедь: забудь всех и всё, приспособляйся, ловчи, шустри, забудь про внешний мир: «Пройдет год, другой, третий, забудут тебя („подручный“ уверен в этом: если не сами забудут, то их заставят забыть), оборвётся твоя связь с внешним миром. И горе тебе...».

Это не отвлечённые рассуждения, а разговор живого с живыми. На этом принципе построена вся политика *исправительно-трудовых* колоний и лагерей.

Обещая писать правду и только правду, я считаю себя не вправе писать о лагерях и колониях строгого и особого режима, о которых я достаточно слышал. Я буду говорить только о том, что вижу своими глазами, испытываю на себе, и доказать всё это могу в любое время.

При чтении повести Солженицына вам бросится в глаза, что люди, попавшие в лагерь, потеряли не только представление о нормальном человеческом быте, но и о нормальной человеческой речи. «Шулюмка», «шмон», «вертухай», «шнырь», «кум», «стукач» и т. п. Как получилось, что высокоинтеллектуальные люди овладели этим лексиконом, забыв обычную человеческую речь? Да так же, как забыли они нормальный человеческий быт и смирились с грязью быта, морали, лексикона. К этому ведёт вся система наших мест заключения, которые лицемерно называются *исправительными*.

Места заключения при современной системе стали не местом исправления людей, а местом подавления волевых качеств и даже местом распространения преступности, своего рода институтом усовершенствования преступности.

«Тюрьма по сути своей – вещь жестокая, даже если в камерах или лагерных бараках стоят цветочки...».

«...Они были жертвами, а не преступниками...».

Так продолжает свою проповедь «подручный» Ник. Кружков. Дескать, то, что считалось жестоким по отношению к осуждённым по 58 ст. УК, то естественно и допустимо по отношению к людям, осуждённым за уголовные преступления.

Отойдём на некоторое время от судьбы людей, осуждённых по статьям Уголовного кодекса за политические убеждения, когда арестуют за язык, а судят за... другие органы тела. Это бунтари-одиночки. Организованные и наиболее активные просто исчезают «в сиянии голубого дня».

Остановимся на уголовниках, преступниках, на людях, которые вызывают у вас отвращение, брезгливость, презрение – чувства, которые настойчиво прививают нам «подручные», но талант художника, давшего нам роман «Отверженные» и рассказ «Клод Гё», заставляет нас по-иному взглянуть на преступников. Примерно так, как глядели на этот вопрос люди 1919—29 годов, когда намеревались «церкви и тюрьмы сравнять с землёй», бороться за сознание человека, исправлять социально изуродованных людей.

Недаром первый Уголовный кодекс предполагал по предложению Ленина предельный срок заключения 5 лет, и только при условиях крупного организованного бандитизма, спекуляции, погромов, налетов решили повысить «высшую меру социальной защиты» до десяти лет.

Прошло 25 лет. Власть окрепла, сознание повысилось, возможность честно трудиться, обеспечить себя, не прибегая к проституции и краже, стала более высокой, и срок наказания был повышен до 25 лет, которые давались с лёгкостью угощения стаканом воды.

В чём же дело? Почему произошло такое отступление?

Да просто понадобилась дешёвая, беспрекословная рабочая сила, которую можно было бросить туда, куда трудно было заманить даже «длинным рублём» вольных людей: Магадан, Колыма, Воркута, Кольск, Якутия, таёжный лесоповал.

Раз в этом деле преследовался хозяйственно-экономический интерес, то малые сроки не давали эффекта. Хозяйственный эффект, интересы строительства, а не судьба живых людей были здесь основой. Люди эти вычёркивались из числа граждан и становились париями, судьбой которых был лагерь.

Даже отбыв срок, освободившись по звонку или по зачётам, человек настолько отвыкал от нормальной человеческой жизни, насколько пропитывался лагерной гнилью. Возвращаясь на волю, такой человек организовывал вокруг себя компанию, привлекая малолеток, и поздно или рано снова попадал в лагерь.

Репрессии усиливались, а преступность росла.

Мы не знаем статистических данных, а узнав, пришли бы в ужас.

В чём же дело? Какая закономерность действовала здесь?

Простая.

Произвол, но с благими намерениями для страны. Что стоило смахнуть со счёта миллионы людей, целые области – например, осетин, крымских татар, калмыков и т. д. Это давало возможность с хозяйственным эффектом использовать излишки людей, решая вопрос безработицы, «лишних ртов», о которых сейчас не стесняются говорить с высоких трибун.

Угробить тысячи и тысячи живых людей на лесоповале, в урановых рудниках, на земляных работах Абакан – Тайшет, канале Волго-Дон и даже на «комсомольской стройке» города-спутника в Крюкове под Москвой, где работало до 80.000 зэков. Вот к чему ведёт погоня за хозяйственными эффектами. Вернее, погоня за созданием себе имени в истории. Хотя Герострат был прямее в этом стремлении.

Работники мест заключения, описанные в повести «Один день Ивана Денисовича», гноили людей и продолжают гноить до сего времени. Только сейчас поступают люди 1941—44 годов рождения. Они обречены. Их освободят досрочно «по половине» или «по двум третям», но за время пребывания они настолько успеют морально разложиться, что последует вторая, третья судимость, а следовательно, строгий и особый режим, как для «не оправдавших доверие народа». Хотя народ тут не при чём. «Общественный контроль» осуществляется теми же чинами управления мест заключения, судов и прокуратуры, которые сами судили этих людей, а иногда просто фабриковали на них дела. Вот тот «народ», который решает судьбу зэков.

Матерщина, эротическое смакование, воспоминания о феерическом пьянстве, воровских удачах – вот что заполняет досуг и мысли молодых зэков. Какая тут работа по исправлению? Должен сам осознать и исправиться. Как говорится, «спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

В чём же состоит воспитательный процесс у лиц, которым поручено воспитание зэков? Не буду отдаляться во времени и искать вопиющих примеров; беру обычную картину сегоднешнего дня.

2.1.63. В 9 часов утра входит замещающий начальника отряда. Сегодня бригада №3 не работает. В бараке сыро, на полу лужи, от двери идёт поток холодного воздуха. Зэк не находит причин торопиться вставать. На улице метель и холод, «забивать козла» рано, читать или писать темно, почему бы не полежать в постели. Начальник успевает «засечь» первых пятерых человек, лежащих с краю, и проводит с ними разъяснительную работу: предупреждает, что водворение в ШИЗО (карцер) угрожает туберкулёзом или вообще разрушением здоровья. Но ограничивается лёгкими мерами воздействия: месяц без ларька, лишение посылки на месяц – то есть голод, недоедание, те же последствия, разрушающие здоровье и вызывающие озлобление против такого «воспитания».

Такое нашествие начальника – кратковременный эпизод. Он осуществил свои воспитательные функции и ушёл продолжать встречу Нового года, надеясь, что его метод с неменьшим усердием продолжит осуществлять актив, то есть люди, приспособившиеся к условиям лагеря, имеющие некоторые привилегии в настоящем и в надежде на будущее.

Что может дать такое «воспитание», кроме озлобления против всех и вся, на всю систему? И они правы, возмущаться надо не бездушностью исполнителей инструкций, а системой, порождающей этот произвол.

Какова же цель такого воспитания?

Циничная: воспитание зэков-профессионалов постоянного контингента лагерей, которые «приспособились». Их не убивают переживания, они способны выполнить любую работу, подчиняться любому режиму, но не способны жить на воле. Ну и что ж. Место и работа всегда найдутся.

Воспитать покорных людей, вот – цель.

Имена и условия

Итак, в деспотизме виноват Сталин, в юридическом произволе виноват Вышинский, в издевательствах над людьми виноват Берия, в развале сельского хозяйства виноват Молотов, группа и примкнувший к ним.

Мы верим.

Но эти люди отстранены. Прошло около пяти лет и более. Действительность должна была бы показать наглядно: было так скверно, посмотрите, как после них всё улучшилось. Вот такое улучшение – лучшее доказательство истины.

Вспомним разговоры (к сожалению, только разговоры) 1959 года о доверии к людям. Вспомним выступление главы правительства на съезде писателей, где приводилась трогательная сцена встречи главы правительства и партии с преступником, описание которой кончалось словами: «Неисправимых людей нет. Надо только подходить к людям с доверием. Правильно я говорю, товарищи?». (Возгласы «правильно», аплодисменты).

А через год – новое усиление репрессий и формулировка в программе КПСС: «Беспощадно наказывать». Ни слова об исправлении, доверии, гуманности, борьбе за справедливость против «судебных ошибок». Об этом уже нет речи. Усилить репрессии и режим.

И вот режим лагерей, установленный Берией, кажется детской забавой по сравнению с нынешним режимом, который выдают за самый гуманный, но который сводится, по выражению Салтыкова-Щедрина, к тому, чтобы «стращать и не пущать».

Появляются статьи «подручных»: «Дармоеды за решёткой» и другие статьи, рисующие лагеря и колонии как курорты. Хотя на этих «курортах» на моих глазах двое повесились, один наглотался толчёного стекла, один забил себе в лоб гвоздь. Это только на одной зоне за полгода. Значит, «курорт» этот не под силу было терпеть.

Раньше, если зэк работал, он мог к положенной ему «шулюмке» купить в ларьке сахар, а иногда и масло, колбасу, консервы, даже коммерческое питание. Заработать это было не так уж легко, так как расценки работы зэка были и остаются низкими: там, где вольнонаёмный получал 24 рубля, зэк получал 9 рублей. Из заработанных денег зэк оплачивал питание, одежду и прочее (простыни, бельё, парикмахерская, которые так раздражали подручных, давались зэку не даром). Можно было получить из дома посылки, которые были так необходимы инвалидам.

В повести «Один день Ивана Денисовича» говорится с сочувствием, что зэк уже вторую неделю не получал посылку.

Теперь (после отмены режима Берия) зэк может получить посылку «в три месяца одну». Так написано в «Правах заключённого», «в три месяца одну». Но в действительности ввели не «в», а «через три месяца одну» до 5 кг весом. Опять не буду ходить далеко за примером: мне жена прислала посылку на три дня раньше срока, и посылку отослали обратно. Получив её, жена имела право тут же послать её снова с опозданием на несколько дней. Начальник заявил: «Если придёт на один день раньше срока – будет отослана обратно. Позднее – хоть на год».

Ларёк прекратил продажу сахара, жиров, мясных и рыбных консервов, допуская изредка растительное масло и маргарин, но в пределах 7 рублей в месяц, включая тетради, конверты, мыло.

Запретили получение бандеролей, книг и бумаги.

Запрещена пересылка бандеролей зэком с литературными произведениями и рисунками.

Положение с ларьком администрация и «общественный надзор» объясняют тем, что для нормального существования организма необходимо 3.500 калорий. Столовая обеспечивает 2.000, что, по подсчетам администрации, составляет 2/3 (в нашей юриспруденции установлена формула: дважды два – приблизительно четыре), остальную 1/3 обеспечивает ларёк, но в какой степени зубной порошок или паста для бритья заменяют калории – этого эки понять не могут.

Успокоимся на 2.000 калорий.

За столом наблюдаю такую картину. У Казакова Вити «шулюмка» имеет цвет серовато-белесый, у Батанова поверхность супа покрыта жиром и видны плавающие кусочки сала. Чем же вызвана разница этих тонов натюрморта? Объяснение простое, и сами эки считают это естественным: Батанов – прораб, Казаков – никто. Начальник столовой (вольнонаёмный) перед уходом домой подаёт миску повару, и тот на глазах у эков наливает ему густой снизу и жир сверху. У хлебореza начальник обнаружил 10 порций мяса. Посудомой за сделанную услугу приносит товарищу 18 кусочков (порций) мяса, работник склада приносит...

Вот вам осуществление проповеди о приспособлении к условиям лагеря. И если человеку типа Кавторанга не полезет в горло такой кусок, он обречён на гибель. Для всех остальных это естественно.

Вся эта система заставляет терять по дороге от склада до миски множество калорий, но «в среднем» их считается 2.000.

Если ты останешься с убеждениями Кавторанга – погибнешь (при длительном сроке). Если ты приспособишься, не будешь считать услужливость за унижение человеческого достоинства, – выживешь. То есть если ты остаёшься тем, кем ты был, – это гибель, остальное и есть политика исправления.

Вместо масла – цифры

В 1957 году «разоблачили» (после 51 года пребывания в партии) Молотова, его «антипартийную» группу и примкнувшего к ним (*Шепилова*). Мы не собираемся брать их под защиту, если даже они и хотели восстановить ленинские принципы. О них можно сказать словами Некрасова:

Ты подобен той гетере,
Что на склоне блудных дней
Горько плачет о потере
Добродетели своей!

Трудно простить кому бы то ни было соучастие или укрывательство преступлений и обмана народа. Но принявшие власть (те же соучастники) обвинили группу Молотова в том, что они развалили сельское хозяйство.

Прошло пять с лишним лет, и за это время можно было бы прекратить озлобленную ругань, а наглядно показать: вот как скверно было при них, и вот как наладили хозяйство мы.

Увеличение цен на главнейшие продукты первой необходимости на 30% вряд ли может быть таким доказательством, если раньше находили возможность ежегодно снижать цены.

Зато не скупятся угощать нас цифрами. Цифры поистине огромны. Ведь только молочных продуктов в переводе на молоко: 9.300.000 тонн.

Но если вы произведете несложный арифметический подсчет, доступный ученику четвертого класса, то окажется, что ежедневно каждому жителю страны достанется 127 грамм (полстакана) молока. Рыбы, если объединить её с китами и моржами, – по 56 грамм.

Посмотрите и проверьте цифры:

Мяса – 129 граммов ежедневно на одного человека.

Колбасы – 19 грамма.

Рыбы – 56 граммов.

Масло коровье – 13 граммов.

Сыр – 2,7 грамма.

Сахар – 107 грамм.

Кондитерские изделия – 27 граммов.

Масло растительное – 27 граммов.

Мыла – 2 грамма.

«Четверть лошади» и одна десятая коровы

Глеб Успенский в своем очерке «Четверть лошади» нарисовал картину того, что кроется за статистическими цифрами. Подсчитав с карандашом в руках, вы увидите, что табун в 21.800.000 голов коров превращается в 0,1 коровы на жителя. Нетрудно представить, что прокормить 10 человек при одной корове трудно.

Свиньи и овцы тоже превращаются в дробь. Но и с этими цифрами происходят чудеса, в которых математика бессильна.

В сельпо поступило 100 кг сливочного масла. Колхоз, не выполнивший молокопоставку, покупает масло и сдаёт его на молокозавод. Молокозавод вновь направляет масло в сельпо. Масло покупает второй (третий, четвертый) колхоз, и сдают. Колхозы сдают, молокозавод отоваривает, сельпо продаёт. К этой задаче можно поставить вопросы:

- Сколько килограммов масла поставили колхозы?
- Сколько молока переработал завод?
- Сколько килограммов масла продало сельпо?

Ученик третьего класса, ответивший на эти вопросы, может получить высокую оценку. Статистик, разносивший эти цифры по графам, выполнил своё дело. Молокозавод и сельпо выполнили свои планы.

Но нам надо ответить на вопрос: сколько же килограммов масла получил потребитель?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.